

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции советская власть стала устанавливаться по всей стране, в том числе и на Алтае. В начале декабря 1917 года в Барнауле, чуть позже в других городах Алтайской губернии, а в Покровской волости в феврале 1918 года. Первым председателем волостного Совета крестьянских депутатов был избран двоюродный брат Ефима Мефодьевича Мамонтова Архип Гребнев, а председателем Волчихинского сельского Совета Иван Лушиков.

Но не успели сельские Советы в полной мере проявить себя, как в стране началась гражданская война. Она охватила и Сибирь, когда в конце мая 1918 года выступил против советской власти чехословацкий корпус, сформированный из военнопленных первой мировой войны, находившихся в России и следовавший в это время эшелонами в сторону Владивостока. Чехи и сразу же возникшие белогвардейские отряды захватили города вдоль Транс-

сибирской железнодорожной магистрали. И в июне из города Новониколаевска /Новосибирска/ двинулись на Алтай. В Барнауле для защиты города был создан из рабочих красногвардейский отряд. Из Кузбасса успел прибыть сюда отряд шахтеров во главе с Петром Суховым, а из Семипалатинска красногвардейский отряд Михаила Трусова.

Но когда превосходивший в силах противник стал окружать Барнаул, красногвардейцы покинули город. Командиром сводного отряда, в котором насчитывалось около двух тысяч бойцов, избрали Петра Сухова. И решили пробиваться в сторону Омска. Но когда в одном из сел узнали, что в Омске пала советская власть, решили пройти по степям Алтая, пересечь Алтайские горы и Монголию, а в Туркестане соединиться с Красной Армией. В этом трудном с частыми боями походе красногвардейцы побывали и в селе Вострово. Здесь на площади возле церкви они схоронили погибшего в бою у села Вознесенки командира семипалатинских красногвардейцев Михаила Трусова. И состоялся митинг, на котором Петр Сухов призывал сельчан подниматься на борьбу с карательными отрядами белых. Эти отряды, бывая в селах, занимались непомерными поборами. Забирали у крестьян лошадей, телеги, брички, продовольствие и даже шинели, гимнастерки и брюки у тех крестьян, которые вернулись с военной службы. И жестоко расправлялись с советскими активистами. В Волчихе они расстреляли депутата сельского Совета Федора Скокова, а в Селиверстово - председателя волостного Совета Егора Рябых. Председателя Востровского сельского Совета Никифора Иванова после грубых издевательств закололи пиками. Красногвардейцы Петра Сухова, которых становилось все меньше и меньше, не дошли до Туркестана. Они погибли, наткнувшись на засаду, в Алтайских горах у села Тюнгур.

А в селах Покровской волости стали возникать подпольные группы в основном из бывших фронтовиков первой мировой войны. Подпольщиков в народе прозвали «кустарями» потому, что им приходилось скрываться от белых карателей, а это как бы находиться в кустах. Их цель была: поднять народ на борьбу за восстановление советской власти. В селе Вострово в подпольной организации были Ефим Мамонтов, Никифор Прилепа, Анисий Копань, Яков Брюхань, Иван Малышенко, Яков Доршенко, Архип Гребнев,

Степан Махно. В солоновской - Игнат Чеканов, Лаврентий Калининский, Иван Сентерев, Михаил и Егор Константиновы, Иван Стариков, Афанасий Маношкин, Павел Мартынов и Кальсин. В Волчихе - Степан Чупахин, Никита Шкатов, Иван Рыжков, Иосиф Костин, Яков Логинов, Афанасий Толоконников, Гавриил Плотников, Григорий Долгов, Иван Назаров. В Новокормихе первыми были Иван Киц, Стороженко Нестер, Тимченко Яков, а в Селиверетово - Шумейко Архип, Яловский Петр, Свининых Дмитрий.

Востровские «кустари», создав свой штаб, вслед за восставшим селом Черный Дол, что близ Славгорода, тоже решили первыми в волости поднять крестьян на восстание. В один из сентябрьских дней 1918 года по сигналу церковного колокола сотни людей, вооруженных вилами, топорами, литовками, а кое-кто охотничьими ружьями, двинулась на край села, чтобы там держать оборону. Но хорошо вооруженный отряд атамана Анненкова подавил это восстание. Двое из восставших были расстреляны, многие подверглись поркам шомполами. Члены повстанческого штаба, на какое-то время покинув село, уехали в алтайские горы, а вернулись в село в начале 1919 года. А весной подпольщики всех сел волости, объединившись, создали небольшой партизанский отряд. Но после того, когда партизаны совершили нападение на колчаковскую милицию в Волчихе и освободили арестованных советских активистов, их отряд стал стремительно расти за счет крестьян-добровольцев. Командиром отряда выбрали Ефима Мамонтова. Начальником штаба стал Никифор Прилепа, а после его гибели Иван Сентерев, а комиссаром Анисим Копань.

В это же время по всему Алтаю возникают партизанские отряды. Осенью они объединились в единую Западно-Сибирскую Крестьянскую Красную армию, которая впоследствии насчитывала около пятидесяти тысяч бойцов и состояла из полков и дивизий. Каждый полк имел свой номер и название, Главкомандующим этой армии стал Ефим Мефодьевич Мамонтов. Главный штаб партизанской армии обосновался в Солоновке. И в составе армии была мадьярская интернациональная рота, сформированная из бывших военнопленных первой мировой войны венгров, или мадьяр и австрийцев, под командованием Макса Ламберга.

Большие трудности испытывали партизаны. А главное, нехватка оружия, а также одежды и обуви. Поначалу большинство

партизан за неимением винтовок вооружались пиками. По рассказам бывших партизан колчаковцы не выдерживали рукопашных схваток с пикарями, поскольку пики были длинней белогвардейских винтовок со штыками.

Посильную помощь партизанам оказывали сельские военно-революционные комитеты, являвшиеся органами власти на освобожденной партизанами территории. Вот что об этом рассказывал председатель Востровского ревкома Горбатилов Тимофей Сергеевич: - Мы организовали в селе в помощь красным партизанам мастерские. Одна мастерская, где ковали пики, была на Кукуе у Куйбеды Якова. Другая возле озера у Григория Котельника. Здесь же из селитры и древесного угля делали порох. Им заряжали патроны. Однажды в мастерской заряжали самодельную бомбу. Она взорвалась. Сайганову Григорию вырвало бок, и он тут же скончался, а Фому Востровского оглушило. И Егор Шеремет ковал там пики. Швейная мастерская была в доме Лазарева. Ею заведовал Кругряк Егор. Там шили одежду партизанам. Пимокатня была на Подборе, ею заведовал Береснев Афанасий, а сапожной, что на Борисовке - Логинов Степан. Госпиталь для раненых находился у моста на Кукуе в доме Макара Малинова. Там за главного лекаря был Никита Соболев. Он в мировую войну был санитаром на фронте.

Подобные мастерские имелись и в других сёлах. И еще там делали специальные трещотки, звуком своим напоминавшие пулеметную стрельбу, что приводило в замешательство белых. Но со временем у партизан все больше становилось огнестрельного оружия - винтовок и даже пулеметов противника. Оно доставалось на местах сражений. И партизаны захватывали белогвардейские обобы с боеприпасами.

Бои с колчаковцами шли по всему Алтаю. В Покровской волости ожесточенные сражения произошли в октябре 1919 года у села Малышев Лог с голубыми уланами и егерями полковника Окунева и возле Волчихи с двухтысячным отрядом капитана Каурова. Но самым крупным сражением в гражданской войне на Алтае был Солоновский бой в середине ноября 1919 года. В бой у Солоновки против партизан были направлены два колчаковских стрелковых полка, у которых имелось свыше пятидесяти пулеметов и шесть артиллерийских орудий, из которых они били по селу и по

партизанским окопам. И здесь же были отряды улан и гусар. А в центре партизанской обороны на кромке Касмалинского бора отбивали атаки противника самые стойкие бойцы мадыарской интернациональной роты. И в самый критический момент этого боя, когда вражеская конница пыталась ворваться в село со стороны степи, где у партизан не было никакой обороны, в обход ей ринулись сотни конников из обозников и даже подростков, у которых в руках кроме бича ничего не было. С криком «ура!» они вызвали панику у противника. И эту партизанскую безоружную конницу за непрерывное многоголосное «ура!», которое катилось по степи как «араро», тоже называли «а-ра-ро». В этом бою партизаны одержали окончательную победу.

В приказе по войскам наступавшей с запада 5-й Красной Армии говорилось: «Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколений, и имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми».

После Солоновского боя партизанские полки освободили от колчаковцев весь Алтай и часть соседних областей и соединились с наступившими частями Красной Армии.

Много красных партизан погибло в гражданскую войну. В самом начале партизанского движения в неравной стычке - один против конного разезда - был убит председатель Покровского волостного Совета, оказавшийся в рядах партизан, Архип Гребнев. Начальник штаба партизанского отряда Мамонтова Никифор Прилепа, отправившись в разведку в село Вострово, был сожжен колчаковцами вместе с домом, из которого отстреливался. Во время атак погибли самые отважные из партизанского состава - в бою у села Малышев Лог командир 5-го Степного полка Иван Киц и в Солоновском бою командир 7-го полка Красных Орлов Федор Колядо. И много рядовых партизан - стрелков и пикарей погибли в сражениях. В память о них почти в каждом селе есть братские могилы. Только многие из этих могил остались безымянными.

Тысяча девятьсот двадцатый год оказался на Алтае не совсем спокойным. Происходят мятежи крестьян, недовольных продажной. Возникают их вооруженные отряды. Один из таких отрядов, прозванный в народе «черной бандой», во главе с есе-

ром Плотниковым под лозунгом «За Советы без большевиков!» летом 1920 года совершал свой поход вдоль Касмалинского бора со стороны Михайловки через села Покровской волости. В селе Бор-Форпост они захватили проводившую партийное собрание только что возникшую ячейку коммунистов. Несколько человек из них они отправили в Михайловку и там учинили над ними расправу. А остальных восемнадцать привезли на подводах в Волчиху и зверски казнили в Гришином борке. Но сюда срочно прибыл из Славгорода 227-й Петроградский полк. Молоденький комиссар полка по имени Анатолий с белым флажком в руке вплотную подошел к засевшим в окопах «черным» и предложил им сложить оружие, чтобы не было кровопролития, но был ими смертельно ранен. После этого был объявлен двухчасовой террор и «черная банда» была разбита.

Макрина Никифоровна Герасименкина - одна из очевидцев той страшной трагедии с борфорпостовскими коммунистами - рассказывала: - Там этим мужикам прямо головы отрезали. Мой отец, Бубликов Никифор Иванович, после, когда разбили банду, их оттуда на братскую могилу вывозил и сам плакал. А до этого в Гришином борке возле речки всем селом гулянья устраивали - пели, плясали, хороводы водили. А после, как случилась такая беда, не стало там никаких веселий.

Спустя полвека председатель Бор-Форпостовского сельского Совета Макарова Агафья Яковлевна в своем письме в районный музей сообщила, что в Гришином борке были казнены Вервейко Трофим, Семида Платон, Долгих Емельян, Артюшкин Михаил, Димаков Иван, Шустов Даниил, Руденко Трофим, Михин Петр, Болдырь Илья, Приказчиков Алексей, Великодный Григорий. И назвала она тех, которых, как она выразилась, порубили бандиты в селе Михайловке. Это Шустов Тимофей, Чекулаев Гордей, Шипилев Иван, Музыченко Василий, Орлов Иван, Монаков Николай, Елизаров Ефим, Козлихин Егор, Вальков Ельша.

Все они были красными партизанами и стали последними из погибших за власть Советов. Трагедия в Гришином борке была последним отголоском гражданской войны на территории Волчихинского района.

Таким был главком партизанской армии

Пожалуй, нет человека на Алтае, который бы не знал, кто такой Ефим Мефодьевич Мамонтов. Его имя, как героя гражданской войны, главнокомандующего партизанской армией, встречается в учебниках истории Алтая и в энциклопедиях.

В свое время мне посчастливилось встречаться и беседовать с родственниками и ближайшими соратниками Ефима Мефодьевича. Воспоминания этих людей о Мамонтове я и хочу воспроизвести в своих записках. Но вначале следует, хотя бы бегло, напомнить читателям основные вехи жизни и боевого пути партизанского командира.

Ефим Мефодьевич Мамонтов родился в селе Пески Воронежской губернии. И малым ребёнком вместе с родителями и ближайшими родственниками по материнской линии - Гребневыми - попал на Алтай. Мамонтовы и Гребневы обосновались на постоянное место жительства в селе Вострово Покровской волости. Они срубили себе дома и поставили их в одном ряду в той части села, которая и поныне называется Кукуем. На Алтае, в селе Вострово, Мамонтовы, как и у себя на родине, крестьянствовали и занимались столярным делом. Ефим с малых лет помогал отцу по хозяйству. Только одну зиму, по рассказам родственников, ходил он в школу, на этом и закончилось его учение. На Кукуе тогда и школы-то путевой не было. В приспособленном в зиму амбаре Ефимова дяди - Сидора Гребнева - какой-то бродячий мужик - грамотей, которого уговорили крестьяне, учил кукуйских ребятишек. В двенадцать лет Ефим обзавелся семьей и вскоре был призван в армию.

Почти восемь лет длилась его армейская служба. Сперва служил на Дальнем Востоке, в сапёрно-телеграфной роте, а затем три с лишним года воевал на германском фронте. В июне семнадцатого избирался солдатами делегатом на Первый всероссийский съезд Советов. В гражданскую войну он был главкомом партизанской армии на Алтае.

В конце декабря девятнадцатого года Ефим Мефодьевич был назначен помощником инспектора пехоты 5-й Красной Армии, части которой пришли на Алтай. Весной двадцатого в городе Омске он участвовал в судебном процессе над колчаковскими ми-

нистрами. Этой же весной Мамонтов с группой бывших партизан доставил с Алтая двадцать вагонов продовольствия голодавшим москвичам. А в августе он командовал Первой Сибирской бригадой, сформированной из бывших партизан и комсомольцев-добровольцев, которая сражалась в степях Северной Таври с бароном Врангелем. Там однажды командир бригады был схвачен махновцами, но совершил побег во время расстрела.

После гражданской войны Ефим Мефодьевич работал в Сибторге. Закупал хлеб и другие продукты у крестьян и снабжал паровые мельницы кое-какими запасными частями. А в феврале двадцать второго года, возвращаясь в Барнаул из села Вострово, куда он ездил навестить родителей, был убит кулаками в селе Влашихе. И похоронен в Барнауле на Ленинском проспекте, где ныне горит Вечный огонь. В день похорон газета «Красный Алтай» писала: «Можно с уверенностью сказать, что вряд ли найдётся в Алтайской губернии партизанский вождь, который пользовался бы такой известностью, как убитый на днях бандитами товарищ Мамонтов».

Через два дня эта же газета сообщила, что имя Мамонтова присвоено подвижной железнодорожной библиотеке. Потом его именем назовут село Бутырки, железнодорожную станцию, ещё три населенных пункта, улицы в некоторых сёлах и городах Алтая, отдельные колхозы и пионерские дружины. Но, пожалуй, самым первым, названным именем народного героя ещё при его жизни стал бронепоезд, захваченный партизанами у колчаковцев.

Ефим Мефодьевич Мамонтов не кончал никаких военных училищ, но брал верх в сражениях над хорошо подкованными в кадетских корпусах и в подобных им учебных заведениях белогвардейскими офицерами. Николай Жуков, исполнявший обязанности секретаря в Главном штабе партизанской армии и печатавший на машинке приказы, воззвания и другие деловые бумаги, отмечал, что Мамонтова, если бы он служил в Красной Армии, за успехи наградили бы высшими боевыми наградами, а у партизан он получал лишь благодарности. Среди документов, относящихся к периоду партизанского движения, я встретил единственную такого рода записку одного из партизанских командиров - Толстых, адресованную Мамонтову: «Примите от имени моего гарнизона искреннюю благодарность за ваше умелое командование. Мы все

видим ваши старания к освобождению угнетённого трудового народа. Примите наш, хотя и малый, но искренне даруемый вам подарок - пять коробок сигарет». Вот такой была одна из наград, врученная партизанами своему любимому главнокомандующему.

Очень тепло отзывались о Мамонтове его боевые соратники. Их воспоминания помогают лучше представить, каким же был партизанский главком. В течение многих лет я был связан перепиской с бывшим начальником Главного штаба партизанской армии Яковым Павловичем Жигалиным, проживавшем в послевоенные годы в Ленинграде. В одном из писем, делясь впечатлениями о Ефиме Мефодьевиче, Жигалин писал: «Партизаны любили своего главкома за его простоту, доступность и скромность, а главное, за его беспримерную храбрость. При наступлении он всегда был в первых рядах. Под ним не раз убивало коня, тогда он пересаживался на другого и снова устремлялся вперед. Мамонтов обладал способностью быстро оценивать обстановку и принимать правильное решение. Он был находчив в трудных обстоятельствах и способен на выдумки. Так, в Солоновском бою кавалерия белых пошла в обход фланга партизан. Тогда Мамонтов приказал посадить на коней обозников и подростков и бросил их навстречу врагу, а сам с пулемётом влез на баню и ударил по вражеской коннице. Белоказки, видя, что на них с рёвом несётся конная лавина, и, неся урон от пулемётного огня, смешались и повернули обратно. Так талантливый полководец Мамонтов не раз срывал планы врага».

А Иван Алексеевич Сентерёв, ставший начальником штаба в отряде Мамонтова после трагически погибшего Никифора Прилепы, в предисловии к своим мемуарам, присланным в музей, общал: «Страдаю тяжелым недугом. Плохо со зрением. Почти слепой. Писал черновые наброски, как мог, некоторые уже на больничной койке. Считал своим долгом оставить запись о моем времени, чтобы нынешнее поколение знало, как шла борьба за Советскую власть». И далее Иван Алексеевич посвятил несколько строк и Ефиму Мефодьевичу Мамонтову: «По натуре он человек энергичный, подвижный. Он был высокого роста, крепкий, хорошо сложенный и красивый. По отношению к товарищам и подчиненным был очень чуткий. И всегда был спокойный. Но стоило возникнуть вопросу о белых карателях, он сразу же преобразился. И куда только девалось у него спокойствие. Он горячился, нервни-

чал, ему поскорее нужно было выполнить задуманное. В бою с беляками он всегда был бесстрашен и этим ободрял своих товарищей. Он очень переживал, когда у него в бою были потери. За каждого партизана болел душой, а за храброго - вдвое».

Интересны рассказы и бывших бойцов 1-й добровольческой Сибирской бригады, которой командовал Мамонтов, о их пребывании на врангельском фронте. С мужем сестры Мамонтова-Арины - Круглюком Егором Архиповичем я встречался дважды. В последние годы жизни его изводила одышка и с переборами работало вконец износившееся сердце. Но память была, как и в молодости, ясной. После победы над Колчаком он в составе 1-й Сибирской бригады участвовал в разгроме Врангеля. Но прежде чем начать рассказ о бригаде, Егор Архипович сделал кратенькое вступление - вспомнил отдельные эпизоды из партизанской жизни:

- Мамонтов бил из винтовки и из пулемёта, как снайпер. Метче его никто не стрелял. В бою под Волчихой он из пулемёта всю белогвардейскую цепь положил. А у Солоновки - там трое суток такой гул шёл, аж земля стонала - кто-то предложил Ефиму оставить село. Дескать, всё равно не удержаться, сил не хватит. А Мамонтов сказал: «Здесь костями лягу, но ни на шаг не отступлю». И устояли. Как там белые ни старались, а все равно наша взяла. В то время, если у какого села затевался бой, то там в домах мертвым-мертво, будто ни единой живой души в них нету. А наступит затишок - жизнь на свои колеса становится. Даже свадьбы справляли. Я в девятнадцатом в промежутке между боями тоже женился. На Арине Мефодьевне. Поп нас венчал, и свадьба была. Дворов сорок у меня гуляло. И Ефим Мефодьевич к нам заскочил, с началом семейной жизни поздравил.

После того зачина Егор Архипович начал рассказывать о том, как ездил воевать на Украину с Врангелем:

- В двадцатом приехал Ефим из Омска и говорит мне: «Ну, кум, ещё Врангеля разобьём, тогда уж хозяйством заниматься будем». И поехал я с ним на Врангеля. Бригада наша формировалась в Омске. Провожали нас с музыкой. Приехали мы на Украину, и нам сразу задание: выбить дроздовские части из «чертова мешка». Тот «чертов мешок» - меж двух дорог. Три дня там дрались. И отогнали мы Врангеля к Чёрному морю. Двадцать семь вёрст в тот раз без передышки гнали. Бились так, что от нашей бригады одно

название осталось. Больше половины бойцов полегло. Оставшихся в живых красноармейцев направили в другую бригаду. А комсоставу было велено ехать в Сибирь для организации новых частей. Приказал тогда Мамонтов собрать все знамёна, что были в бригаде, и доставить их в штаб армии в Новомосковск. Нас отправилось туда человек тринадцать. Члены штаба ехали верхом на конях, а мы, рядовые бойцы и младшие командиры, на двух бричках. Подъехали к станции Славгород, а там махновцы. Оттуда повернули в Екатеринослав. Верстах в четырех от города находился девичий монастырь, считай, пустой. Там, кроме игуменши, пожалуй, больше никого и не было. Я с бойцами остался в монастыре, а Мамонтов со своим штабом решил добираться до Новомосковска. По пути заехали они в одну деревушку. Здесь и схватили их махновцы. Поснимали бандиты с наших ребят всю одежду, оставили в одном исподнем. Связали им руки, кому полотенцем, кому портянками, а Мамонтову брезентовый ремень достался. Посадили в тачанки и повезли за село к большому яру. Тот яр сверху до низу порос кустарником. На них шипы размером в палец. Пока везли, Мамонтов пальцами распутал ремень. И когда стали класть его товарищей на землю расстреливать, сшиб махновца, что его караулил, и головою в яр. По нем стрелять. А где там попадешь в таких зарослях. Вылез он из яра перед вечером, в копешке сена дождался темна. Потом пошел, считай, нагишом, по степи и наткнулся на будку обходчиков. Путьцы привели Ефима Мефодьевича к красным.

Об этом случае, происшедшем с Мамонтовым, только с некоторыми уточнениями, рассказала мне и Чеканова Анастасия Фёдоровна - родная сестра интенданта партизанской армии Игнатия Фёдоровича Чеканова. Она слышала про махновский плен из уст самого Ефима Мефодьевича, когда он, возвращаясь домой с Украины, побывал у Чеканова.

- На нем, когда вылез он из оврага, - говорила Анастасия Фёдоровна о Мамонтове, - один ворот от натальной рубашки остался да пояс от кальсон. Где лохмотья от белья, а где клочки кожи - не понять. Все взялось кровью. В московском госпитале его просветили на рентгене иковытаскивали из тела колючки.

По возвращении в Сибирь Ефим Мефодьевич Мамонтов по чьему-то навету подвергался аресту. Но чтобы точнее представить,

как это было, следует продолжить рассказ Егора Архиповича Кругляка - очевидца этой истории.

Добрались они от Москвы в теплушке до Барнаула. Тут обеспечили их полушубками. Из Барнаула, опять же поездом, доехали до Пospелихи. Здесь им дали подводу и валенки. Дней десять погостили они дома в селе Вострово. Набрали продуктов - и опять в дорогу. С ними был и востровский Покрасенко Антон. Им нужно было явиться в Омск, в военный округ. Мамонтов из Пospелихи уехал в Барнаул на паровозе, а Егор с Антоном да ещё с десятком красноармейцев несколько суток добирались до города. Мамонтов в Барнауле почувствовал какое-то недомогание. Ночью перед отправкой поезда в Омск в вагон вошли военные. Отобрали у них оружие. Один из военных осведомился, тот ли этот Мамонтов, что в Солоновке был. И убедившись, что тот, приказал отправить состав под охраной ЧК, в город Омск. Мамонтова везли в отдельном вагоне. В Омске его тоже ото всех изолировали, а Егора Кругляка и Антона Покрасенко посадили в тот подвал, где раньше сидели колчаковские министры.

- Сперва мы с Антоном в подвале, - рассказывал Егор Архипович, - играли песни. А как только нас на баланду перевели - и песням конец. Потом к нам подселили двух белых офицеров, и те говорят: «Вы знаете, за что вас арестовали? Вы с Мамонтовым хотели свергнуть Советскую власть». И тогда, когда освободили, мы узнали, за что нас держали под арестом. Когда мы последний раз заезжали в Вострово, то один кукуй*. К*ти мужик принес Мамонтову ключи от своих амбаров. Швырнул их на пол и заматерился: «Ты, Ефим, Советскую власть устанавливал, а она у нас хлеб отбирает». Мамонтов те ключи отнёс в сельский Совет. А по селу кто-то слух пустил: вроде бы сам Мамонтов выступает против продрозвестки.

Вот такая история с арестом, рассказанная Егором Архиповичем Кругляком. Из Омска, когда там, в ЧК, убедились, что на Мамонтова возведена напраслина, Ефим Мефодьевич, заболевший тифом, был срочно отправлен в один из московских госпиталей, а Егор Кругляк с Антоном Покрасенко вернулись домой.

Многих посетителей музея интересуют разные стороны жизни Мамонтовых. И какая у них была семья, и чем они занимались. Что представляла собой их усадьба, сожженная колчаковцами? Каким был Ефим Мефодьевич не только как партизанский ко-

мандир, многим людям хотелось бы услышать о Мамонтове просто как о человеке со всеми его радостями и печальями. Кое-что об этом я узнал от родственников Ефима Мефодьевича, с которыми не раз встречался.

Как-то летом в рабочий посёлок Волчиха приехала родная сестра Ефима Мефодьевича Мамонтова - Арина. Она пришла в музей и долго с нескрываемым волнением рассматривала фотокарточки красных партизан, с которыми когда-то постоянно виделась. Когда ей посетовали, что в музее нет ни единой вещи Ефима Мефодьевича, она ответила:

- Какие теперь вещи - столько годов прошло. - Но, подумав, сказала: - Есть у меня два Ефимовых подарка. Всю жизнь берегла, а музею уж так и быть пожертвую.

Она заговорила об отце и матери. О брате Ефиме. Делилась тем, что сохранила её память:

- Отец мой, Мефодий Алимович, был невысокого роста, присадистый, с русой окладистой бородой и шибко крепкий. По праздникам мужики ради потехи на кулачки сходились. Кукуйские с центральскими. Стенка на стенку. Так отец с обеих рук бил, один всю стенку валил. А вообще-то он выделялся трудом. И шибко любил детей. Сроду сердитого мы его не видали. Он для всех был хороший. Его' все на Кукуе называли папашей. В тридцатом году он помер. В тот год на Кукуе колхоз организовался - имени Мамонтова, и Васю в армию провожали. Отец в сознании умирал. Помню, сказал: «Созовите всех - я прощаться буду». Попрощался со всеми и помер. Он бы ещё жил, кабы белые ему здоровье не подорвали. Отцова мать - моя бабушка - сто пять лет прожила и до последу ещё и помаленьку работала. Отец пусть бы не сто, а до девяноста б дотянул, кабы не белые. Они шибко его секли за то, что Ефим в партизанах был.

А Ефим парнишкой любил голубей водить. И отец до самой гражданской на пригонах голубям гнёзда делал. А когда наш дом беляки спалили, голуби не знали, куда деваться. Плясать Ефим любил - хоть хлебом не корми. Когда с германской домой пришёл - как раз на Пасху, а у меня именины были, - так всех старух и девчат переплясал.

А через некоторое время состоялась у меня встреча с Иваном Мефодьевичем и Матвеем Григорьевичем Мамонтовыми - бра-

том и племянником Ефима Мефодьевича. У того и другого чуть ли не по два трудовых стажа, из которых исчисляют пенсию. И оба были на фронте в Великую Отечественную войну. Они родились в селе Вострово, и под одной крышей у них прошли детские годы. О некоторых событиях девятнадцатого года, когда в этих местах создавался партизанский отряд под командованием Ефима Мефодьевича, они могут рассказывать с большими подробностями. В ту пору Ивану Мефодьевичу было четырнадцать, а Матвеем Григорьевичу десять лет.

И по сей день стоит у них перед глазами та страшная картина, когда колчаковцы жгли дома востровских подпольщиков. В тот раз сгорел и их дом вместе со всеми надворными постройками. Во время пожара беляки чуть было не бросили в огонь и Ивана, когда он пытался спасти скотину и дворовую собаку Волчка. Один солдат сказал офицеру, указывая на Ивана, что он, должно быть, Ефимов брат, раз такой круглолицый и губастый. Но тут появился кукуйский крестьянин Кислов Тимофей. Он Христом богом уверил карателей, что парнишка доводится ему родным сыном, а собака прибежала сюда с его двора.

- Ефим Мефодьевич так же крепко любил детей, как и его отец Мефодий Алимович, - вспоминал Матвей Григорьевич. - Он нас, ребятишек, учил играть в бабки, в чижику, в лапту. В городки одной баталкой выбивал любую фигуру. А то соберет побольше своих и чужих, посадит в телегу, на российский манер обшитую тёсом, и в бор. Показать детворе, где что растёт и как отыскать грибные и ягодные места. А ежели дождь, перевернёт телегу вверх колесами - вот тебе и укрытие.

А Иван Мефодьевич вспомнил своё. Когда пришёл с германской брат Ефим, на груди у него был георгиевский крест и медаль «За храбрость». Ефим на фронте был контужен. Однажды он с солдатами тянул телефонную связь, а по ним ударили из пушек. Из двенадцати трое в живых осталось. Ефима тогда землей привалило, и с тех пор глуховат он стал на одно ухо. И папаху всегда на это ухо сдвигал.

У Ефима Мефодьевича в период борьбы с колчаковцами личные дела и заботы, порою очень важные, всегда отступали на задний план. Как-то перед знаменитым Солоновским боем Мамонтов, приехав в село Вострово проверить работу оружейной мастер-

ской, заодно решил навестить родителей, которые после пожара жили у деда Куделина. Зашёл в избу, а там беда. Только что скончался его шестнадцатилетний брат Тимофей. За ним, разутым и раздетым, в морозный день по снегу гонялись верховые колчаковцы. Тимофей после этого сразу же слёг и в несколько дней угас, как свеча. Ефим Мефодьевич, обнажив голову, стоял посреди чужой избы. Ведь совсем недавно все Мамонтовы жили в своем доме, вместе садились за один стол, вместе справляли праздники. И все пошло прахом. Нет ни дома, ни хозяйства. Распалась семья. Колчаковцы искалечили старшего брата Григория, который ютился в отдельной избушке, пороли отца и всячески стращали мать, допытываясь про Ефима. В тот раз еле державшаяся на ногах мать со слезами обратилась к сыну:

- Может, останешься, Юша, похоронить братку?

Ефим Мефодьевич, сдержав волнение, ответил матери:

- Ежели я останусь, нас белые всех похоронят. - И уехал.

Иван Мефодьевич привёз в музей большой альбом. В альбоме есть нигде не встречавшиеся ранее снимки Ефима Мефодьевича - рядового саперно-телеграфной роты во время его службы на Дальнем Востоке. Есть и фотографии его детей. Их было четверо. Самый младший, Николай, в Отечественную на фронте был шофёром и автоматчиком. А Степан погиб на фронте. Перед войной он был сотрудником военкомата в городе Рубцовске. А как только началась война, добровольцем ушел на фронт, подав вот такое заявление: «Мой отец погиб за власть Советов, а поэтому в наступивший грозный час, когда на нашу Родину напала клика фашистских разбойников, я прошу зачислить меня в ряды Рабочее-Крестьянской Красной Армии. Я буду громить фашистских захватчиков так же, как мой отец в былое время громил колчаковских карателей и иностранных интервентов».

Прошло немного времени после этой встречи, и в музей от Арины Мефодьевны пришла обещанная ею посылка. В ней черный кашемировый платок с кистями, расшитый цветной гладью, и белая камчатая скатерть, с еле заметными голубыми узорами. Платок Ефим Мефодьевич подарил сестре, когда уходил служить на действительную, скатерть преподнёс ей на свадьбе, будучи уже партизанским командиром. В посылке также оказалось несколько фотографий. На одной из них - уже старенькая - мать главкома парти-

занской армии Анастасия Фёдоровна, на другой племянник Ефима Мефодьевича Михаил, погибший в бою с немецкими фашистами. Так что теперь фотографии всех Мамонтовых, защищавших нашу Родину, есть в музее.